

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Моя жизнь — 1998 — Юлиет

— Вы когда влюбляетесь, вы безумствуете?

— Да, я совершаю какие-то поступки. Бывали решительные, и практически смертоносные бывали. Убегала из дома... Я причиняла большую боль близкому человеку.

Я, будучи такой, какая я есть, всю жизнь играла с пространством. В материю обращались самые буйные мои фантазии. Почти все достроилось из тех фантомов, которые я некогда начертала. Какие-то проекции имели оттенки, какие-то выстроились очень прямо. Но это все очень рискованно.

Помещение моей жизни теперь так организовано, что это вряд ли повторится с таким грохотом и дымом, как раньше. Тут дети, тут концерты, тут стихи, тут книжки. Детям нужно много дать и отметить то, что получилось в результате. Это ежедневный, ежегодный, нескончаемый цикл.

Мне кажется, тут яблоку негде упасть, я просто не могу нарисовать в воображении ту иглу, острие которой войдет в мою бедную душу сегодня. Неуживима!

— Имеет ли право женщина, обремененная ответственностью перед семьей и детьми, терять голову?

— Откуда я знаю! А как женщины с детьми влюбляются, впадают в какое-то безумие? Это совсем простенькие эмоции, это же не теплушки эвакуации.

Так всегда бывает: не имеешь права, не имеешь, а потом вдруг имеешь...

— То есть женский мир и материнский — это параллельно на самом деле?

— Это лучевые направления. Это все очень индивидуально. В молодости кажется, что все понимаешь, а дальше вообще ничего не понимаешь. Я сейчас ничего не понимаю.

Мир эмоций живет какой-то странной жизнью. Мне сегодня кажется, что запросто можно жить без так называемой остро заявленной любви. Я очень была горячая в молодой молодости, многое необыкновенно декларативно воспринимала и ультимативно переживала. А уж излагала вообще просто рекламно!

— Вы ведь очень рано вышли замуж...

— В 19 лет. Родители потворствовали. С 17 до 19 лет я оказалась девочкой, их беспокоящей. Все было как-то двояко: мы мирные люди, но мой бронепоезд все время пытел на каком-то пути, который их очень беспокоил. И сбить меня быстро им казалось тогда очень мудро. Наверное, какая-то правда в этом была.

Я думаю, что такая лабораторная работа, закалка первым браком, нужна. Что там с этой вакциной в каждом конкретном предмете произойдет, я не знаю, но, видимо, вливать надо. В мирное сотрудничество с пространством ты все равноходишь после 30 лет. Мир — огромная колба, а ты жалобно подергиваешься, пока находишь какие-то позиции. Но и потом на смену одному смятению приходит другое, наступает другое измерение. Очень много сил было потрачено на смятение, но сейчас видится, что там был такой запас сил, в сутки или в неделю удавалось так много успеть, что сейчас это кажется невероятным.

— Вы знали в юности, что у вас будет четверо детей?

— Нет. Наверное, так получилось от страха, от неуверенности в себе, от неуютности такой высокой, сильно электризовавшей и не дававшей мне покоя ни днем, ни ночью. Очень жаль, но она меня и сегодня не оставила. Жизнь устроена так, что "глаза бояться, руки делают". Очень неплохо, боясь, что-либо делать. Любая акция дает страховой сертификат.

Я рекомендую всем делать что-нибудь. Если мы говорим о каких-то простеньких прочеловеческих актах — дружить, любить, соединяться, размножаться, — это все правильно. Это все продвигает нас по жизни, немного укрепляет, поддерживает. Не скрою, каждый рожденный ребенок дает силу. Беременность придает значительность твоей персоне. Этот простенький рецепт знает уйма народу.

Несмотря на то что я имею четверых детей, мне не кажется это каким-то спецрецептом. Можно иметь одного ребенка шикарного. Можно парочку. Кстати, если судьба каким-то образом противоборствует, можно и не иметь вовсе. Все равно остаются какие-то поступки, прочеловеческие художественные акции. Число детей — не очень серьезная, несакаральная величина в моей жизни.

Мне легко давались дети, легко давалось их очень маленькое детство, легко давалось их чуть более подросшее детство, легко давались кое-какие проблемы в школе. Все были пустяки. Мне было с ними хорошо и интересно на всех этапах. И я ничего не могу сказать про материнские подвиги, связанные с появлением детей на свет и с продвижением по жизни. Тут я не специалист. Я просто мама, застенчиво вам скажу.

— Вы счастливая мама!

— Иногда я чувствую себя очень счастливо. Спокойно, правда, редко. Сейчас дети взрослые. Я им выдала пейджеры. С тринадцати лет появляется легкая джунглевость, и нормальная мать хотела бы найти своего ребенка. Причем найти как бы даже виртуально. Односторонне. Послать телеграмму о том, что она его ищет, — всего лишь задача пейджера. И потом, психологически очень утешительно. Ты послал телеграммку, и она нашла твоего ребенка.

Вы что думаете, что когда вам биржа курс присылает, она ждет, что вы ответите? Она что, хочет узнать вашу точку зрения на это сообщение? Я, как биржа, курс рассылаю.

Мои дети не настоящие патриархальны, не такое английское семейство, чтобы в окрестностях Виндзора сидеть за красивой посудой при зажженных свечах у камина. Это было бы очень недурно, душа продолжала рисовать себе эти безумства, но, видимо, еще не пора...

— А вы патриархальная женщина?

— Да, патриархальная. Но что-то больше к

Женщина с гитарой — звучит как человек с ружьем.

Откровенность и романтизм

не в моде, как эполеты и лосины царских гусар.

Вероника Долина

никогда не стремилась

попасть в обойму, но из

всех поющих женщин

с гитарой именно она

осталась единственной

непревзойденной.

Когда еще не было

дамских романов

в мягких обложках,

усладой для

многострадальной души

советской женщины были

песни Долиной

и "городские сказки"

Виктории Токаревой. С тех

пор мы выросли

и повзрослели, но место

"домашнего" кумира

осталось за Долиной. Мы

набрались собственного

опыта и хлебнули

собственных страстей,

но остался без ответа вопрос:

пережила ли сама Долина то,

о чем поет?

БАШМА ЛЮБВИ

Вероника ДОЛИНА:
"Детей я родила
от страха"

матриархату склоняюсь. Правда, я бы и от патриархата не отказалась.

Семья — очень хитрая штука. Но очень нужная.

Может приносить радость, и довольно много. Правда, трудно от нее радость получить. Но это мы такие неуклюжие. Мы очень погано обеспечены. Физиологически мы мало здоровы. А так, если организм по имени "семья" поместить в симпатичные условия и дать власть выслапаться, властью работать, властью отдыхать, то все будет выглядеть очень радостно. Семья — это не такой уж и космос, а простенький станочек. Мы немножко юрты, и нам тяжело радоваться. Но радоваться этой юрте, что хоть чуть-чуть она охраняет в мороз, хотя топится по-черному, и дает возможность прилечь в углу, хотя бы впопалку, — это очень российский подход.

Уйма семей держится на непонятнейших волосках, невидных миру. Чувства могут как-то вибрировать. Это все-таки регулируется. Если запрограммироваться на то, что надо жить страстями, то, конечно, семья взлетит на воздух. Вариантов может быть много. Если жутко удариться и обжечься, что бывает с уймой и мужчинами, и женщинами, то, подремонтировавшись, семья плывет дальше. Все дело в людях, все дело в их готовности к каким-то преобразованиям.

Я старый семейный марафонец. Это мои дети, мой дом, и по всем возможностям, сколько могу, все должны быть сыты, одеты и иметь радости. Поэтому я всегда зарабатываю. В моих глазах беспечность — это практически порочность. Я своим детям так говорю: беспечность — это обеспеченность за чужой счет. Я люблю, чтобы человек что-то делал, а детей имел невзначай.

В общем, так. Жизнь ужасно трудная и сложная. Дети — вещь хорошая. Любовь — вещь

очень поучительная. Мужчина — вещь очень хрупкая. Женщина — вещь вообще нелепая.

— Почему это мы нелепые?

— Не знаю, я не союзник. Я недолюбливаю женщин. Я бы лучше имела много друзей-мужчин, чем подруг.

Вот мужчина — существо очень нежное, понимаете, оно специальное, оно для того, чтобы "не дать себе засохнуть", это такой "Спрайт". Я не специалист по сильным, волевым, могучим мужикам. Во-первых, они не попадались мне. Во-вторых, даже на какой-то дистанции я их видела очень мало. В-третьих, они, на мой взгляд, не выглядят ультрапривлекательно. В-четвертых, видимо, есть экземпляры. Нечто подобное я видела на некотором расстоянии, делала попытки приблизить и приблизиться, но попытки были полны такого нездорового электричества, что ничего не получалось. Ну, почти ничего, скажем так. Я очень сильно запрограммирована на мужчину мягкого, и очень мягкого.

— Значит, вы жесткая?

— Я не жесткая, а твердая. Жизнь показывает, что это совсем не одно и то же. Жесткий — это острые грани. А твердый — это основательность.

Я понимаю, что можно жить с женщиной, а можно без мужчины. Время каких-то инструктажей с моей стороны кончилось бесповоротно. После тридцати трех пафос соскальзывал просто как миленький. Мне кажется, что мы все-таки подвержены каким-то общим правилам, генеральная линия существует.

По моему кодексу, есть такая субстанция любви. Мы иногда из литературной застенчивости называем это дружбами, но это все любовь. Она обнимает нас довольно плотно и в детстве, и в отрочестве, и потом тоже. Ее много, но вот сколько ты можешь это чувство генерировать — индивидуальный момент. У всех по-разному.

— Женщина-поэт: автор и лирический герой — это совсем одно и то же?

— В моем случае нет. Но близко. В хорошие

энергетические моменты, в некие полдни и в некие полночи стрелки сходятся. Тень укорачивается, и мы делаемся одно и то же. Конечно, так волшебнее. В этот момент совершается некий переход. Это правильная вещь, когда стрелки сходятся. Но так всегда быть не может.

— А стихи от мужского имени вы могли бы писать?

— Иногда случается. Иногда уклончивые, бывает некое странное создание. Закутывание в мужской плащ — это вполне возможно. Я, конечно, пишу от своего лица, пола, возраста, имени. Можно понять, кто это, что это. Там нет специальной дамскости. Поэтому нет специальной потребности перекачивать в себя мужественность и переворачивать строчки.

— То есть вы себя комфортно чувствуете наедине с самой собой?

— В хорошие моменты — да. Они не часть. Как правило, они связаны с концертным временем. Мы все ведь исполняем какой-то небольшой театр. Даже дома все имеют какие-то распределенные роли, амплуа. Без театра нет жизни. И все отношения полов и меж полами очень театральны.

Сколь-нибудь нормальный, культурный человек всегда театрален. Потому что все другое немножко нечеловеческое. А в детстве как часто это присутствует рядом с нами — фантазия, воображение! От беспомощности, от малenkости нашей сколько нужно себе вообразить и в области отношений, и в области измерений мира. И я не знаю ни одного художественного человека, который не пользуется широко этим инструментарием.

Никакого откровения не будет, если я скажу, что, когда стрелки сходятся, на сцене наступает красивая идентификация. Не всегда звездным светом во тьме сверкает, но бывает. Бывает, бездны открываются.

— Это ни с чем не сравнимо?

— Конечно, сравнимо. Примерно с тем, о чем вы наверняка думаете, как всякий живой человек. Конечно, во всякой физиологии труба пониже, дым пожиже. Но на любовь похоже. Правда, это все попроще и в любви индивидуальней. Возникает очень точное, неразделимое нечто, как я понимаю. И происходит иллюзорный выход в астрал.

— А как вы познакомились с вашим нынешним мужем?

— Я с моим мужем Сашей Муратовым познакомилась на кинофестивале "Кинотавр" шесть с лишним лет назад. Я была зрелой, плод, который нужно было тронуть легчайшим движением пальцев, и я рухнула с ветки моего долговечного прочного брака.

Я только что приехала из Америки, очень твердая, просто как стальная полоса, с какой-то железной решимостью внутри и с какой-то неопалимостью снаружи. Во мне была какая-то турбулентность, и эта турбулентность не могла не втянуть какого-нибудь мягкого молодого человека.

Я его увидела возле Дома кино, оттуда отправлялись автобусы во Внуково, и, мельком взглянув, я подумала: "Примерно такие мальчики мне нравятся" — и ушла взглядом дальше. И тут же в самолете давнишний знакомый сценарист Анатолий Борисович Гребнев замахал мне рукой: "Вероничка! Садись сюда!". Я села и оказалась между Гребневым и режиссером Сашей Муратовым. У меня с собой был возлюбленный маленький магнитофончик, при мне была куча рабочего инструментария, вся в блокнотах, вся в ручках. И на маленьком магнитофоне была кассета с новым концертом. И я через 15 минут полета своему соседу справа по имени Саша предложила послушать. Между прочим, ничего такого не произошло. К моим ногам он не сполз. Но начало было положено.

Я не такой уж плантатор, и через две минуты забрала магнитофон: "Спасибо, достаточно!". За это время обычно успевают пройти где-то полторы песни. Ну, все, поехали дальше. Дальше — больше. Автобус, гостиница. Многоготчие.

— Вы сразу решили...

— Практически сразу. Я вообще очень основательная. День, другой. Как-то незаметно прошла неделя, и уже пора домой. Я в Москву, а он — в Ленинград. А потом он в Москву прилетел, свистел мне под окнами.

— Решение кто принимал? Вы?

— Господи, смотрите выше. Я никак не выкручивалась, я проходила через это горнило по полнейшей программе. Все в сумме продолжалось полгода.

Фестиваль был в июне. Уже в августе, убегая от громов и молний, мы отправились в Пизунду. Пустынно, странно, потом стали летать самолеты, началась гражданская война. И мы поспешно ретировались в Москву. И через две недели он полностью перебрался в Москву.

Мой бедный муж оставил свой дом, и Саша оставил свою семью в Петербурге. Боль развода — ужасающая боль. Это не стало моей коньковой темой. Я застала себя абсолютно одинокой в поле, ни одна книжка не могла мне ничего рассказать о страшнейших болевых шоках развода. О ужас! Какая жуткая боль, какое перепиливание костей родному человеку, а рядом, кстати, лежат тела детей!

Никому не рекомендую. Кто может удержаться, пусть держится всеми средствами. Но судьба тащила за волосы. Я прошла по этому пути, всех сметая и разрывая на куски. Огромную поддержку имела в своих детях. Дети мне дали индульгенцию, сертификат на новую жизнь. Они гласно и негласно сказали: "Мы верим тебе". Сюжеты классического кинематографа от меня очень далеки, я никогда не видела в детских глазах ревности к следующему ребенку, к новому мужу — бог даст, и не увижу.

Семья устроилась непонятно благополучно. Мои дети чрезвычайно дружелюбно относятся к моему новому мужу, хотя за эти 6 лет мы прошли уже несколько периодов, родили на свет моего четвертого по счету, нашего первого совместного ребенка. Не скрою, этот ребенок чрезвычайно укренил и украсил лучевые отношения моих детей к моему новому мужу. Муж Саша очень дружелюбен и терпим ко всем троим чрезвычайно разным и забавно непохожим друг на друга детям.

Я никогда больше не причиню любимому человеку боль, которая состоялась тогда, и ничего близкого к этому не будет. Не говоря уже о сертификате, который мне выписали дети. Я слово дала. Но я и сейчас носитель этой бациллы — какие-то паллиативы, какие-то привязанности, но тех резких общечеловеческих сотрясений, конечно, не будет. А если судьба начнет меня на что-то толкать, что вряд ли, то мы с ней постраемся найти общий язык.

Беседовала Яна ЖИЛЯЕВА.
Фото Михаила КОВАЛЕВА.